

Дикий, неестественно громкий, какой-то безумный хохот услышала я, входя в свой двор. Голова невольно повернулась в поисках источника странных звуков. Хохотали, не останавливаясь, чтобы передохнуть хотя бы мгновение, несколько человек. Над анекдотом или удачной шуткой обычно смеются иначе. При коллективном веселье смеет тоже иной: он то бурно всплеснет, то погаснет. Этот же хохот звучал на одной высокой ноте и так долго, что скорее походил на истерику. На коллективную истерику. И было в этом смехе что-то жуткое.

Ага, вот они, хохотуны. Из подъезда соседнего дома с шумом вывалилась компания подростков лет двенадцати-тринадцати. Они прыгали, кривлялись, вскакивали то на штакетник, огораживающий посадки под окнами, то на качели, толкались, бегали друг за другом и все это время непрерывно хохотали.

— Эк, их разобрало! — сказала одна из бабушек, что обычно сидят подле подъезда. — Пьяные что ли?

— Да не пьяные, а обкуренные, — со знанием дела усмехнулась стоящая рядом с ней девочка лет десяти. — Травки накурились, вот и бесятся.

— Какой еще травки? — переполнилась бабушка. — Наркоманской? Господи Боже мой, и у нас во дворе наркоманы завелись! — сокрушилась она и тут же накинулась на внучку: — Ты-то откуда все знаешь?

— Да уж знаю! У нас в классе почти все мальчишки травку курят...

Свидетелем такой вот сцены стала я совсем недавно. На дворе стояло еще довольно жаркое лето, горожане носили легкую одежду, и у подъездов домов с утра до самой темноты неустанно «дежурили» старушки.

В этот вечер я ждала в гости подругу, поэтому торжественно поднялась по лестнице, про себя отчитывая всех взрослых людей, равнодушно наблюдающих, как пропадают чужие дети, и не принимающих никаких мер. Ругала и самое себя за то, что молча прошла мимо, мысленно тут же оправдывая всех нас, взрослых, вместе. Что делать-то вот в такой конкретной ситуации? Попытаться подойти к обезумевшим от выкуренного наркотика мальчишкам и сказать им что-то умное и веское? Страшновато: их слишком много, к тому же возбуждены, агрессивны, словами их в этот момент не примешь, тем более всех сразу. Только на себя неприятности, а то и беду навлечешь. Нет, разговаривать с ними нужно опытному психологу, педагогу, врачу и не со всеми вместе, а с каждым в отдельности, улучшив подходящий для этого момент...

Так думала я все время, пока ждала свою гостью. А потом и беседа с ней невольно переключилась на этих мальчишек. Знают ли родители, что их недоросли не просто курят, а курят наркотические травки? Знают ли взрослые люди чем вообще занимаются в течение дня их несовершеннолетние дети? Вот ведь говорят вокруг: растет преступность не по дням, а по часам, — вечером страшно одному из дому выйти. А ведь очевидно, что еще более катастрофически растет преступность детская. Если и дальше так будет, то скоро не то, что вечером, но и днем будет страшновато, и не только на улице, но и в подъезде, и в собственном доме...

— Ты видишь мою сумку? — спросила подруга. — Видишь светлую полосу на боку? Это мне в трамвае разрезали, кошелек стащить пытались, да не в тот угол попали. Муж клеил-клеил, а все равно видно.

— Да, — говорю, — карманников много развелось.

— Самое ужасное, — перебива-

ет меня подруга, — что это, в основном, маленькие дети — по девять-десять лет. В трамвае их невооруженным глазом видно: шныряют туда-сюда, крутятся возле сумок. Буквально вчера видела, как женщина одного такого шпингалета за руку в своей сумке поймала.

— Да, — снова сказала я, — раньше молодые люди, в основном, хулиганили, сейчас каких только преступлений они не совершают: грабежи, кражи со взломом, разбойные нападения, убийства. Преступники становятся все моложе. Что дальше-то будет? Что ждет нас в будущем?

... Из-за барьера, ограждающего скамью подсудимых, видна лишь его голова. Да и то, когда стоял. Маленький, щуплый, бледный, он похож на болезненного девятилетнего мальчика. Но Диме Кайралапову четырнадцать исполнилось еще в прошлом году, когда он совершил квартирную кражу. Потому и уголовная ответственность у него «по взрослому».

— На скамье подсудимых один Дима, — говорит судья Валентина Александровна Хазиева. — Их там было много по трем кражам — шесть или семь человек, но в отношении всех остальных уголовные дела прекращены, поскольку они еще не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Остальных по 10, 11, 13 лет. Их поставили на учет, в отношении двоих решается вопрос о направлении в спецшколу. Брат Димы — Женя Кайралапов — уже в детприемнике ждет путевку. Диму до суда взяли под стражу.

... Квартиру в декабре 1995 года они «брали» четвером: Дима с младшим братом и два их приятеля по уличным делам. Инициатором и идейным руководителем кражи был двенадцатилетний Женя Кайралапов, Дима и остальные были рядовыми исполнителями.

Хозяйка квартиры считала, что красть у нее нечего, потому всегда закрывала замок всего на один поворот ключа. И вот, дождавшись, когда квартира опустеет, а соседи улягутся спать (дело было часа в четыре ночи), шайка малолетних ворюшек с легкостью — перочинным ножом — открыла дверь и за пятнадцать минут доказала: были бы воры, а что украсть — они найдут. Несколько хрустальных ваз и рюмок, двенадцать пачек индийского чая, тушенка, сгущенка, масло, набор постельного белья и проч. — позже хозяйка оценила причиненный ущерб в два с лишним миллиона.

Украденное мальчишки отнесли в ларек «Лесные ароматы», что уютно расположилось рядом с детской стоматологической поликлиникой, и продали все оптом — за 50 рублей.

— А продавец спрашивал у вас, чьи вещи, где вы их взяли, почему продаете, да еще ночью? — задает подсудимому вопрос Валентина Александровна.

— Нет.

— Забрал все, дал вам 50 руб-

лей — и только?
— Да...
— И что же вы на эти деньги покупали? Курить?
— Да.
— Что еще?
— Клей.
— Клей? Это чтобы нюхать? И сколько он стоит? Где вы его покупали?
— На Гагарина, по пять пятьсот...

«Висела» бы эта квартирная кража нераскрытой, да через несколько месяцев мальчишек задержали после очередной кражи со взломом. В марте они разбили стекло в торговом павильоне на Парковой и пытались вытащить из него три ви-

патрульной машине милиционеры сразу увидели бегущих по дороге мальчишек: благо дело опять происходило в четыре утра, а на улицах в это время суток пустынно. На одном из ребят была надета длинная кожаная куртка.

Зачем им куртка? Чтобы продать. Жить-то на что-то надо. Кто ночью ее купит? Найдется добрый дядя или тетя — ларьки-то работают...

— Вы знаете, я ничего сейчас не понимаю, — говорит в перерыве процесса В. А. Хазиева. — Что такое творится? Получается, что не нужны они, эти наши дети, никому — ни родителям, ни государству, ни школе. Дима пять классов с грехом пополам закон-

чил и уже три года не учится. Его брат Женя ушел из школы после третьего класса и больше не учился ни одного дня. Вчера одного из свидетелей папа привел. Я спрашиваю у мальчишки: ты где учишься, в какой школе? А он говорит: я не учусь. Как не учишься, почему? А я, говорит, в сентябре начал ходить, а потом портфель с книжками на чердаке оставил, а его кто-то украл, так теперь мне не с чем в школу ходить... Я у папы спрашиваю: ребенок ваш, почему не учишься? А он отвечает: «А что я сделаю, если он не хочет?». У меня даже волосы на голове стали подниматься. Говорю: ему десять лет, как это «он не хочет»? Сидит папа спокойно, даже ухом не ведет — ему что?

На многих судебных процессах я побывала за свою журналистскую жизнь. Но, честное слово, ни разу не видела, чтобы и судьи, и прокурор, и защитник, и даже потерпевшие с одинаковой искренностью жалели бы преступника. Диму Кайралапова жалели все. Хозяйка «общественной» мальчишкими квартиры, пенсионерка, отказалась и от материального иска: что, мол, с него взять, с такого заморыша? Голодные,

видно, ходили: на плите стояла сковорода с жареной картошкой, так они ее всю руками съели. Пожилая женщина только отряхнула с обидой: воровать-то зачем было? Попросили бы поесть — сама бы дала.

В народе так обычно жалеют сирот...

Но братья Кайралаповы вовсе не сироты, хотя с их матерью, работницей РСУ горно-обогатительного производства комбината Любовью Лазаревой Андреевой познакомилась Валентина Александровна так и не удалось: за два дня, что продолжался процесс, она даже не появилась в зале суда. Не пришла и бабушка.

— Я в сентябре только вышла из отпуска, и тут же телефоны затрещивали, — говорит судья Хазиева: — Родственники подсудимых, чьи дела у меня в производстве, то и дело звонят, спрашивают: когда начнете наше дело рассматривать, когда, когда, когда? По поводу этого ребенка не звонил никто, никто ничего не спрашивал. Это меня просто убивает: как же так — твой ребенок сидит в тюрьме, но о нем никто не беспокоится. Никого нет на суде: ни бабушки, ни мамы с

папой, ни друзей. Куска хлеба никто не принес. Не положено, конечно, но в данном случае можно было бы попросить как следует, думаю, разрешили бы — очень уж он бледный и слабенький, этот Дима Кайралапов. Мне самой ему что-нибудь поесть купить, что ли? Знаете, я иногда думаю: они, родственники Димы и Жени, наверное, даже рады, что мальчишек посадили — освободились от них. А ведь у Андреевой еще и третий ребенок есть...

Во все времена у детей были и хорошие матери и плохие. В прежние, доперестроечные годы, тоже. Правда, тогда недостатки семейного воспитания в какой-то мере восполнялись государством: в детских садах, школах, интернатах дети «плохих» мам находили хотя и ограниченную, но все же в пределах необходимого заботу, пищу, образование. Сейчас, на исходе столетия, с нашим российским обществом стало происходить что-то странное. С причитаниями сожаления с высоких трибун о бездуховности «гомо советикус», мы как будто строим себя заново — с ориентиром на цивилизованность. Во всяком случае во всех обещаниях политиков, особенно в предвыборные дни, — «планов громадьи, размаха шага сажени». Об этом говорят все теле и радиопрограммы, пишут все газеты. Только вот ведь беда: государственная машина перестраивается медленно, законы пишутся со скрипом, а проводятся в нашу с вами жизнь почти с металлическим лязгом. И так на протяжении уже одиннадцати лет. За эти годы родились и выросли миллионы детей. И выросли не богоязычными верующими, не атеистами коммунистического толка, а циничными язычниками, чей идеал, Бог — золотой телец.

Все-все в России последние десятилетия, даже элементарные человеческие чувства, стали измерять валютой. Любовь, дружба, доброта, человечность, сочувствие, милосердие, порядочность, добрые отцовские традиции — все побоку, поскольку из всего этого денег не сделаешь. Не имей сто рублей, а имей сто друзей? Чушь! Имей сто тысяч, сто миллионов рублей, а лучше — доллар. А друзья в таком случае всегда найдутся. Не друзья, так холуи. Какая разница?

И вот уже российские общество испускает предпоследние выдохи того, что раньше ценилось как душа, духовность человеческая. Не зря, видно, русское слово «духовность» в речах все чаще заменяется импортным «менталитет». Действительно: один менталитет и остался — и никакой духовности...

В наступившей полосе «идеологического безвременья» первыми пострадавшими стали самые нестойкие — дети...

— У меня мама больше 30 лет в школе проработала, — продолжает В. А. Хазиева, — она говорит: «Если раньше у меня на участке ребенок в школу не ходит — нас всех на уши ставили. Мы и за ним бегали, и за родителями, и заставляли, и чуть ли не за руку водили каждый день в школу. Сейчас полгорода не учится, и никому нет дела. Они же все — потенциальные преступники. Вместо школ тюрьмы строить будем?» Я с ней согласна: если не предпринять что-то действенное, экстренные меры какие-то, то уже спустя пять-семь лет мы будем плакать горькими слезами. Все подростки, которые к тому времени пройдут жестокие «университеты» тюрем и колоний, вернутся, и вот тогда-то жить будет по-настоящему страшно всем нам. И бронированные двери не спасут, и решетки на окнах.

«Тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред» — сказал Мишель Монтень четыреста лет назад. С тех пор никому не удалось сказать точнее и лучше.